

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Татьяны Александровны Богумил

«Геопоэтика Алтая в Сибирском тексте русской литературы XX – начала XXI вв.»

(Барнаул, 2024), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Работа Т.А. Богумил является знаковым исследованием, суммирующим не только многочисленные научные достижения диссертанта, представленные в опубликованных статьях, но, кроме того, подводящим яркий итог многолетней деятельности алтайских филологов, в оптике которых находилась историческая и культурная судьба их самобытного региона. Отраднее наблюдать, что и ввиду значительного объема накопленных ее коллегами знаний, и ввиду личного академического такта соискатель всякий раз подчеркивает свою принадлежность к школе и традиции, убеждая рецензента в том, что перед ним – не экспромт (какой бы ни было степени талантливости), а системный результат многих усилий и трудов, увенчанных этим обобщающим научным сочинением. Подкупающими чертами работы являются сжатость и логическая продуманность текста, сосредоточенность библиографического аппарата – читатель и рецензент не продираются, как часто, к сожалению, бывает, через тернии авторской кичливой псевдоэрудиции, когда там и тут «набросаны» нужные и ненужные имена предшественников, служащие не информативным подспорьем, а скорее «флажками» для разметки научного поля. Т.А. Богумил счастливо избежала этого соблазна: ее обращение с научной литературой, а также культуру сноски, столь важную, согласно писанным и неписанным правилам нашей профессии, полагаю, можно счесть образцовыми.

Ко всем правильным и нужным словам, сказанным самим диссертантом об **актуальности** исследования, я бы добавил следующее. Весьма существенно, что при всей значимости аналитики, восходящей к В.Н. Топорову и семиотикам 1980-х гг., соискатель намечает для своего проекта более широкий горизонт, и потому даже на уровне формулировки темы отходит от ратифицированной связки *прилагательное* (петербургский, крымский, уральский, сибирский, пермский и т.д.) + «текст», а полагает в основу более емкое явление – геопоэтики. Налицо здесь не только понятное и похвальное стремление выйти за рамки клише, но и важное эвристическое приращение: ведь на каком-то этапе стало ясно, что бесконечное «мельчение» с топографическими «текстами», все более дробными и партикулярными, приводит к хаотизации общего впечатления о функционировании «поля литературы», к игнорированию интегральности, а значит – к подрыву научного подхода в принципе. «Геопоэтика Алтая» позволяет расширить тесные рамки «локальной текстуальности» и, во-первых, отметить системное явление культурной регионализации – появление субрегионов внутри макрорегиона (для исторической Сибири это

Дальний Восток, Кузбасс и Алтай); во-вторых, надежно квалифицировать Алтай внутри Сибирского текста как своего рода «место силы», не столько «изолировавшееся» от прежней культурной формации (кстати, именно в таком качестве его рассматривали бы приверженцы «локальных текстов»), но скорее собравшего в своей образотворческой сердцевине те смыслы, которые начали утрачиваться соседними «аутентичными» сибирскими регионами ввиду их «отпадения» от регионального в универсальное (парадокс, но, скажем, появление Императорского Томского университета, Новосибирского Академгородка или кластера космических предприятий в Красноярске, не говоря уже о Транссибе, свидетельствовали о победе интегрального начала над областным). В этой связи примечателен заданный в диссертации хронологический интервал: XX – начало XXI вв. Это и есть то время, когда «классический» Сибирский текст, описанный Ю.М. Лотманом и В.И. Тюпой, начал сдавать позиции, терять мифопоэтическую монолитность, регионы стали подключаться к новым воображаемым пространствам: скажем, Томск – к числу «старых» и потому «интеллигентных» «университетских городов»; Кузбасс – к общесоюзным «кузницам», где системной парой для него делался скорее Донбасс, а не Сибирь; Новосибирск – к региональным столицам с характерными слухами о переносе в город столицы общенациональной; Иркутск благодаря В.Г. Распутину начал ассоциироваться с байкальским экологизмом и т.д. На этом фоне паттерны «старого» Сибирского текста стали конденсироваться, как бы «выпадать в осадок» внутри Алтайского субрегиона, превращавшегося в синекдоху некогда целостного сибирского пространства. Наконец, в-третьих, широкая геопозитическая панорама позволила Т.А. Богумил рассмотреть социальные практики, обычно отсутствующие в оптике «узких» специалистов по имагологии: речь прежде всего идет о канонизации В.М. Шукшина и различных дискурсах, подчиненных этой задаче.

Такое обновление привычных аналитических подходов обусловило **новизну** всех сделанных соискателем частных наблюдений, позволило иначе взглянуть на давно известные источники и должным образом интерпретировать тексты, не избалованные вниманием со стороны литературоведов. Предлагаемая Т.А. Богумил концепция отражена в логично расположенных трех главах ее исследования. Результаты изучения топографических координат и пространственной символики, чем-то напоминающие этапные для раннего отечественного структурализма описания «мирового древа» и «основного мифа», сосредоточены в первой главе. Во второй перспектива из синхронии переключается в диахронию, и мы читаем яркие экскурсы в историческую поэтику: от рефлексов агиографии к миссии Ермака и далее к новейшим абсурдистским (анти)утопиям. Т.е. в миниатюре региональной словесности нам показан весь историко-литературный цикл: мифотворчество (общенациональный аналог – от древнерусский книжности до Карамзина, Толстого и Достоевского) – деконструкция мифа (аналог – Салтыков-Щедрин и Чехов). Здесь «своими» «Салтыковыми-Щедринными» «работают» Пригов и Сорокин.

Хотя, как мне показалось, «шедринское» начало просвечивает уже у Зазубрина (роман «Горы»): например, портрет Сталина на фоне «пустынного, замерзшего Енисея» (см.: С. 77) так и хочется сравнить с портретом Угрюм-Бурчеева, за фигурой которого – «пейзаж, изображающий *пустыню*». Тем более что в обоих случаях важен образ реки. В третьей главе совершенно здраво внимание соискателя направляется на город или, лучше сказать – городá, как узлы, «связывающие» пространство и придающие ему напряженность и центростремительность. В таковом качестве рассмотрены «городские тексты» Бийска, Барнаула и Змеиногорска. Самый заключительный раздел – о персональных культах Шершеневича и Шукшина – открывает многообещающую перспективу дальнейшей работы: понятно, что любой регион, который вписывает себя в культуру, нуждается в своем литературном «божестве», и ближайший «алтайский» претендент на этот статус – бесспорно, Шукшин. Шершеневич, как следует из приводимых диссертантом примеров, будет занимать в формируемом локальном мифе иерархически нижестоящее место и сделается «божком» культурного урочища – ср. знаковый мотив поиска могилы безвременно умершего поэта.

Достоверность и обоснованность главных научных положений, изложенных в диссертации Т.А. Богумил, обеспечены корректно сформированной теоретико-методологической базой, высоким уровнем филологической культуры соискателя, детальностью конкретных аналитических экскурсов. Как мне показалось, наиболее яркие и удачные из них (при всем том, что и остальные – совсем не хуже) следующие. Интересен «дендрологический» контрапункт между ранней и поздней советскими литературами в лице, соответственно, Вс. Иванова и Шукшина. Первый сибирскую березу, символ России, игнорирует, второй – превозносит. Если так, то в сознании Вс. Иванова можно усмотреть рефлексы областничества, которое в классических его формах Шукшину чуждо, а, быть может, и вовсе неизвестно. Предположение, как мне кажется, достойно дальнейшей проверки, т.к. именно в раннесоветских нарративах отразилась политика коренизации и вообще удивительная для «классового», казалось бы, сознания советская ангажированность этничностью. После 30-х гг., как известно, дело пошло на спад, и в этом отношении пример шукшинских берез неслучаен.

Другой пример из этой же области – литературная мифология кедра. Важен здесь подчеркнутый диссертантом момент функционального замещения. Ту роль, что в ряде поэтических произведений играет дуб, в сочинениях об Алтае начинает играть кедр. Дуб в растительном мире подобен «царю зверей» в мире зоологическом (например, льву или слону). И вот в этом качестве предстает и кедр – вообще крайне ценна эта сознаваемая исследователем функциональность образа, способность не только «быть» чем-то самим по себе, но и, так сказать, парадигматически «занимать чье-то место». В таких примерах закономерностный характер изучаемого материала, способов его художественной обработки предстает как нельзя более явственно.

А вот замечания о раннем романе С. Залыгина «Тропы Алтая», как кажется, нуждается в более четком наведении и контекстуализации. Прием «узнавания» в обозреваемом ландшафте примет других географических миров (у Залыгина: «Увидит мягкие очертания невысоких, сглаженных гор – и вдруг узнает Южный Урал... Увидит Семинский перевал – и подумает, что это Саяны» – см.: С. 115) весьма традиционен для разных землеописаний. Из наиболее известных примеров здесь можно вспомнить Чехова, сравнившего горы вокруг Красноярска с Кавказом.

Один из сильных разделов диссертации посвящен Ермаку. Внимание Шукшина к историческим песням и казачьему фольклору Т.А. Богумил трактует глубоко и интересно: пристрастие автора романа «Я пришел дать вам волю» к Разину заставляет ретушировать начальный в этой типологии персонажей образ Ермака: компромиссу с государством предпочитается сюжет о восстании.

Быть может, отнесенные к двум разным подразделам параграфы о Пригове и Сорокине уместнее было бы видеть рядом, но, с другой стороны, материал внедрен соискателем в различные мотивные блоки – связанные с агиографией (Пригов) и утопией (Сорокин). Тем не менее из-за абсурдистского характера писаний обоих авторов посвященные им части невольно в сознании рецензента сближаются. И вот, комментируя произведения такого рода, стóит, как кажется задаться вопросом: а находятся ли они в действительной референциальной связи с Алтаем? Или читателю даются только «оболочки» слов, которые затруднительно толковать в духе иносказания? Т.е. если герой воспитался медведицей и был вспоен молоком горного орла, то имеет ли смысл отмечать, как это делает Т.А. Богумил, что «птичье молоко – священный чистый небесный напиток, дарующий бессмертие» и который «в то же время означает нечто невозможное, утопическое» (С. 155). Иносказание, присущее, например речетворчеству символистского типа, может ли регистрироваться в словесности, одна из задач которой – деконструкция самого словесного ряда?

Во всей этой, в целом замечательной работе мне встретились буквально единичные тезисы, нуждающиеся, как мне кажется, в небольшой коррекции – особенно в перспективе издания авторской монографии, требованиям к которой рецензируемый труд, конечно, в полной мере соответствует. В частности, это определение оборотов типа «Он, как я, оторвался от веток» (С. 37); «и люди такие есть» (С. 60) в качестве психологического параллелизма. Перед нами, однако, обычные сравнения – на противопоставленности последних психологическому параллелизму акад. А.Н. Веселовский настаивал специально (См.: Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. школа, 1989. С. 101). В прекрасной части о городских текстах, где убедительно показано постоянное (само)воспроизведение схемы петербургского текста, вдруг о Змеиногорске сказано, что поскольку поэты через образ Достоевского увязывали алтайскую локальность с

Петербургом, то это – «свойственные провинциальным городам претензии на “столичность”» (С. 270). Едва ли так: скорее перед нами стремление местного писателя быть сопричастным эстетическому миру, ощутить себя внутри культурного пространства, а не на его обочине. В остальном никаких нареканий рецензируемая диссертация у меня не вызвала.

В заключение подведу итог: все **научные положения**, вынесенные автором работы на защиту (С. 19–20), убедительно доказаны, **выводы и рекомендации** – обоснованы, отдельные наблюдения, как уже говорилось выше, сделаны с опорой на мощную источниковую базу и с применением тщательно разработанной стратегии анализа. Впечатляет апробация реализованного научного проекта, включающая десятки выступлений автора на конференциях самого высокого уровня. Исследование Т.А. Богумил вносит существенный вклад в традицию изучения не просто территориальных текстов, а всей многовековой истории и алгоритмов локализации русской литературы, преобразования ею «пространства» в «текст». Ввиду всего сказанного у меня нет никаких сомнений в том, что диссертационная работа Татьяны Александровны Богумил «Геопоэтика Алтая в Сибирском тексте русской литературы XX – начала XXI вв.» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент –
Анисимов Кирилл Владиславович,
доктор филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература,
доцент, профессор кафедрой мировой
литературы и методики ее преподавания
филологического факультета

25 декабря 2024 г.

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Сведения об организации:

660049, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

Тел.: +7 (391) 217-17-77

E-mail: kspu@kspu.ru

Я, Анисимов Кирилл Владиславович, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

Подпись Анисимов К.В. заверяю

Начальник общего отдела Г.И. Мосякина

КГПУ им. В.П. Астафьева

25.12.2024